

ДЭН

Л

ето не удалось. Да что там — не удалось, оно обещало стать самым бездарно проведенным летом за всю Дэнову жизнь! Вместо черноморской вольницы под крылом у любимой тетушки ему предстояло целых три месяца промаяться в богадельне, которая официально именовалась элитным спортивно-патриотическим лагерем для сложных подростков.

До недавнего времени Дэн был самым обычным шестнадцатилетним парнем, не имел никаких проблем, занимался спортом, увлекался игрой на гитаре и после окончания школы собирался поступать в радиотехнический институт, но одна-единственная октябрьская ночь изменила всю его жизнь, положила конец всем мечтам и планам...

Он возвращался домой с тренировки. Ничего особенного, самая обычная субботняя тренировка по карате, просто закончившаяся чуть позже обычного. До дома всего ничего, каких-то три квартала: знакомые дворы, не раз хоженные дорожки. Тем октябрьским вечером было как-то по-

особенному темно. Узкую кленовую аллею освещало лишь два фонаря: первый горел в самом начале, второй — в конце. Если идти быстро, то на освещенную улицу можно выйти всего за пару минут, а там уже люди, огни витрин, машины — обычная вечерняя жизнь обычного города.

Дэн не спешил. В шестнадцать лет легко быть бесстрашным. Особенно когда всего через месяц тебе предстоит аттестация на первый дан, когда заветный черный пояс уже практически у тебя в руках, а впереди — турнир на Кубок города и есть все шансы победить. В наушниках играла «Металлика», Дэн шагал, в такт музыке покачивая головой, не вглядываясь в темноту и не стремясь к маячащему в конце аллеи фонарю. Жизнь была прекрасна, а обещала стать еще прекраснее!

Они вышли из темноты — три одинаковые безмолвные тени. Вышли и преградили Дэну дорогу. Рослые, крепко сбитые, с неразличимыми во тьме лицами. Люди-тени. То, что они по его душу, Дэн понял сразу, но, даже когда понял, не испугался. В крови еще бурлил не растраченный во время тренировки адреналин, подначивал, подталкивал вперед. Нет, он не собирался ввязываться в драку, но и убегать, трусливо поджав хвост, тоже не собирался. Парень вытащил наушники, поудобнее пристроил на плече рюкзак.

— Вам чего? — Голос спокойный и миролюбивый. Все, как учил их тренер. «Никогда не показывай врагу свой страх».

Дэн не боялся и не был уверен, что перед ним враги. Может быть, всего лишь небольшое препятствие?..

Плохо, очень плохо, что в этот момент на ум

ему не пришел еще один тезис тренера: «Не стоит недооценивать противника».

Он недооценил. Их было всего трое, и выглядели они если и не безобидно, то, уж во всяком случае, не слишком страшно. С тремя он справится без проблем.

— Эй, братуха! Не найдется прикурить? — К Дэну шагнул один из троицы, самый высокий, самый плечистый. — Сигаретки вот закончились, как назло.

Щелкнула зажигалка, и оранжевый огонек вырвал из темноты угловатое, покрытое оспинами лицо. Лицо это было известно любому пацану в их районе. Даже сопливые малыши знали, кто такой Рябой. Дэн тоже знал, но раньше жизнь никогда не сводила его, спортсмена и отличника, с главарем местной шпаны. Не сводила, а теперь вот, похоже, свела.

— Не курю. — Дэн сдернул с плеча рюкзак, аккуратно поставил на землю, чуть в стороне, чтобы не путался под ногами, если вдруг придется вступать в бой.

— Курить — здоровью вредить! Так, что ли, спортсмен? — Рябой пнул рюкзак, парни заржали.

Дэн отступил на шаг назад, освобождая место для маневров.

— Ну, нет сигарет так нет! — Рябой пожал плечами, сделал шаг к Дэну, сокращая расстояние до не слишком комфортного. Его дружки двинулись следом.

Дэн не мог видеть в темноте, но был уверен, что они улыбаются, недобро, по-шакальи.

— Ты ж у нас спортсмен, каратист, мастер спорта и прочий Шаолинь... — Рябой снова щелкнул зажигалкой, прикурил.

Встреча получалась неслучайной. Предводитель дворовой шпаны никак не мог знать про карате и «прочий Шаолинь», если только по какой-то причине не узнавал заранее. Если только поджидал на этой темной аллее именно его, Дэна Киреева.

— Что тебе нужно? — Надежда на то, что все еще можно решить миром, истаяла, как апрельский снег.

— Смотрите, братухи, и парниша-то понятливый! Сразу просек, что к чему! — Красный сигаретный огонек описал в темноте дугу. Наверное, Рябой взмахнул рукой. — А вот хотя бы твой плеер, Шаолинь! Это ж не по-пацански, что у тебя есть плеер, а у нас нет!

«Выходить из сложной ситуации нужно малой кровью». Интересно, подаренный отцом на шестнадцатилетие плеер — это малая кровь? И где гарантия, что, как только он отдаст плеер, Дэна оставят в покое?

«Сначала нужно думать и только потом действовать». Дэн подумал.

— Пошел к черту! — Получилось невежливо, зато конкретно. Если эти трое в курсе про карате и «прочий Шаолинь», то вряд ли рискнут сунуться. Они дебилы, но ведь не сумасшедшие.

— Вот что-то подсказывало мне, что этим все и закончится. — Рябой вроде бы даже вздохнул и, кажется, отступил на шаг. — Злые нынче пошли спортсмены. И сигареты с собой не носят, плеером поделиться с товарищами не желают. — В его голосе слышалось разочарование. — Ну да ладно, мы не гордые, мы и без плеера обойдемся. Расступись, братва! Дай пройти надежде отечественного спорта!

Подчиняясь команде, маячившие за спиной Ря-

бого тени и в самом деле расступились. Дипломатия победила агрессию!

Нет, так сказал бы не тренер, а отец. Отцу Дэн верил даже больше, чем тренеру.

— Ничего, бывает. — Дэн потянулся за рюкзаком.

...Удар пришелся на незащищенный затылок в тот самый момент, когда парень поднимал рюкзак с земли. Страшный удар, вышибающий из головы все мысли, кроме одной — не стоит недооценивать противника... Дэн просчитался, их было не трое, а четверо. Четвертый прятался в темноте за Дэновой спиной, прятался и выжидал подходящий момент...

...Дэна нашел обеспокоенный его долгим отсутствием отец. К тому моменту парень был уже избит до полусмерти. Отличнику, спортсмену, без пяти минут обладателю первого дана по карате хватило одного-единственного подлого удара в спину, чтобы отключиться и стать беспомощнее пятилетнего малыша. Его избивали железной арматурой. Окровавленные прутья валялись здесь же, на темной аллее. Сотрясение мозга, разрыв селезенки, внутреннее кровотечение и сломанные в нескольких местах руки.

«Против лома нет приема». Этот тезис не принадлежал ни отцу, ни тренеру, но оказался самым действенным из всех...

Дэн пришел в себя, когда его грузили в «Скору», сквозь кровавую пелену увидел испуганное лицо отца, попытался улыбнуться. Улыбка не получилась, из рассеченной губы тут же пошла кровь, наполняя рот горько-соленым.

— Как ты, сынок? Кто это сделал? Ты видел? — Отец говорил спокойно, но Дэн знал цену этому спокойствию.

Он не стал отвечать, устало прикрыл глаза. Ему нужно было подумать, хорошенько подумать, прежде чем дать правильный ответ.

Подумать тоже не получилось, стоило только сомкнуть веки, как вслед за темнотой снова пришло спасительное беспмятство.

В следующий раз в сознание Дэн пришел уже в палате интенсивной терапии после операции по удалению селезенки, ликвидации внутреннего кровотечения и наложения металлических пластин на раздробленные кости. Впереди его ждал долгий и нелегкий курс реабилитации, а за дверями реанимационной палаты — следователь. Следовательно он не сказал ничего.

«Мужчина должен сам решать свои проблемы». Это было его личное, дорогой ценой доставшееся кредо. Дэн разберется сам, как только сможет встать на ноги, а пока ему нужно подумать.

Думать было тяжело. Мысли скользили, расплывались бесформенными кляксами, не желая складываться в четкую картинку. На него, без пяти минут обладателя черного пояса по карате, напали, его избили и искалечили. Одно только это вышибало из глаз злые слезы. Не боль, не собственная беспомощность, а вот этот неоспоримый факт. Против лома нет приема... Или просто он сам далеко не такой хороший спортсмен, как ему казалось... Мысли эти были беспощадные, они лишили Дэна сна и покоя. Но имелось и еще кое-что. Нападение было запланировано, в этом он не сомневался. Оставалось понять, кому это понадобилось.

Плеер, который чисто теоретически мог послужить причиной конфликта, нашли на аллее. Он был разбит и не подлежал восстановлению. Дэн

тоже оказался разбит, и с восстановлением у него тоже имелись проблемы. Он уже не попадал ни на аттестацию, ни на турнир. И даже сами занятия карате теперь были для него под большим вопросом.

Тренер пришел к Дэну сразу, как только врачи разрешили посещения, придвинул к больничной койке стул, заглянул в лицо:

— Ты видел, кто это сделал? — задал он вопрос, который в эти дни Дэну задавали неоднократно.

В голосе его звучало недоумение. «Как же ты так подставился, Киреев?!» — слышалось в его голосе. Неправильно понял ситуацию, недооценил противника. И не важно, что Дэн спортсмен, а не боец спецназа. Важно, что свой, возможно, самый важный в жизни бой он проиграл, даже не вступив в него.

Так и не дождавшись ответа, тренер встал, посмотрел на Дэна сверху вниз, сказал после долгого молчания:

— Ты справишься с этим, я знаю.

Дэн попытался улыбнуться, осторожно, самыми уголками разбитых губ. Да, он справится. Он решит все свои проблемы. Нужно лишь время.

— Только не наломай дров. — Тренер рассматривал что-то невидимое в углу Дэновой палаты. — Сначала все хорошенько взвесь и только потом сделай.

Непрененно! Он теперь только тем и занимается, что взвешивает все «за» и «против».

Дэн выздоравливал быстро. «Заживает, как на собаке», — шутил лечащий врач. «Молодой организм», — ободряюще улыбался отец.

Да, молодость делала свое дело, но помогала Дэну не она, а граничащая с одержимостью злость. Встать на ноги, научиться владеть непослушными

руками, вырваться наконец из душных больничных стен.

Его калечили продуманно и целенаправленно. Для банального грабежа хватило бы одного, самого первого удара, а ему переломали руки. Сломали бы и ноги, но, наверное, им не хватило сил. Или времени.

Неоправданная жестокость. Была бы неоправданной, если бы эти четверо не знали, с кем имеют дело, если бы не поджидали именно его...

Дэн вышел из больницы уже зимой. Морозный, пахнувший выхлопными газами воздух казался ему упоительным. И даже ноющая боль в не слишком удачно сросшейся руке не могла лишить его решимости.

На тренировку он пришел в первых числах марта. К тому времени самое важное в его жизни соревнование уже было позади. Чемпионский титул достался Вадику Ильюшкину, другу и вечному сопернику. Дэну не повезло, и Вадик не упустил свой шанс. Уже не второй, а заслуженный лидер, потому что самый первый тренировочный бой показал, что шанс стать чемпионом Дэн Киреев потерял навсегда. Одна-единственная октябрьская ночь сломала не только его кости. Что-то непоправимо сломалось у него в голове, превратив спорт в неважное и ненужное, подменив цели и ориентиры. Подтверждение своим мыслям он увидел во взгляде тренера.

Нет, Дэн не ушел из спорта. Наоборот, он продолжал тренироваться с пугающим остервенением, не обращая внимания на робкие попытки родителей перенаправить бушующую в нем энергию в более мирное русло.

...Рябого он встретил сырым апрельским вече-

ром на той самой аллее. Вся разница в том, что Рябой на этот раз был без свиты, а Дэн научился вести бой по его правилам.

Свалить Рябого оказалось до скучного легко. Без своих дружков, без прутьев арматуры, с одним лишь свинцовым кастетом он был жалок. Жалок до такой степени, что ярость, вот уже который месяц бушующая в Дэновом сердце, вдруг утихла. Он не стал калечить Рябого. Он просто впечатал поверженного врага в землю и задал один-единственный вопрос — кто?

Рябой заговорил сразу, наверное, скудным своим умом догадался, что лучше сказать правду. А может, увидел на дне Дэновых глаз злобного демона, который родился стылой октябрьской ночью, в тот самый момент, когда сам Дэн болтался между жизнью и смертью.

Ответ лежал на поверхности, но все равно шокировал. Вадик Ильюшкин, друг и вечный соперник, заплатил Рябому за то, чтобы фаворит и главный претендент на чемпионский титул не просто сошел с дистанции, а остался инвалидом...

Все-таки Дэн набил Рябому морду и пообещал, что с этого дня будет присматривать за ним. Наверное, рожденный стылой октябрьской ночью демон снова взглянул на мир Дэновыми глазами, потому что Рябой заклацал зубами, затрясся в мелком ознобе и стал молить о пощаде. Значит, поверил. Это хорошо, может, теперь он поостережется нападать на беззащитных людей.

Вадик Ильюшкин, некогда друг и соперник, а теперь подлец и предатель, понял все, стоило только им столкнуться на заднем дворе спорткомплекса. Понял, но, в отличие от Рябого, не испугался. Теперь уже он, а не Дэн, являлся чемпио-

ном и главным фаворитом. За его спиной не было месяцев, проведенных на больничной койке, бессонных, наполненных болью ночей и мучительной реабилитации. Впрочем, как и не было за его спиной и той сокрушающей все преграды ярости, которая превращала романтика и идеалиста Дэна Киреева в холодного и расчетливого бойца.

Это был честный бой. По крайней мере в самом начале, пока Вадик Ильюшкин еще считал себя неуязвимым. Он понял свою ошибку быстро, он всегда отличался сообразительностью и хорошей реакцией, поэтому, едва начавшись, схватка перешла в совершенно иную стадию.

— Не на жизнь, а на смерть! — подначивал родившийся стылой октябрьской ночью демон. — Убей ты, а иначе убьют тебя!

Дэн не знал, не успевал думать, чем закончится этот бой. Лишь с мрачным удовлетворением отмечал, что очередной удар достигал цели. «Не нужно недооценивать противника». Все, он больше не станет недооценивать...

Вадик Ильюшкин уже был повержен, когда в бой вмешался третий.

Победить тренера нелегко, но Дэну почти удалось. До тех пор, пока мощный удар в корпус не отшвырнул его на несколько метров, впечатав в кирпичную стену. Но даже когда от боли сбилось дыхание, а перед глазами поплыл кровавый туман, Дэн не собирался сдаваться.

— Киреев, остановись! — Тренер увернулся от удара. — Остановись, пока не наделал еще больших глупостей! Ну, слышишь ты меня?!

Способность соображать вернулась к Дэну не сразу, лишь после того, как тренер еще раз впечатал

тал его в стену, заглянул в ничего не видящие глаза, еще раз проорал:

— Киреев, не валяй дурака!

— Да... — Дэн медленно сполз спиной по стене, уселся у ног тренера. Его трясло так же, как еще недавно трясло Рябого.

— Дурак ты, Киреев! Ты ж все испортил, ты ж карьеру свою спортивную загубил. Ты же смотри, как все получилось... нельзя же вот так, сплеча... — Тренер смотрел на него сверху вниз, и непонятно было, чего в его словах больше, досады или жалости. — Зачем же вот так?..

Он не ответил зачем, он смотрел на поверженного врага, но сжимавшие сердце тиски так и не разжались.

Им досталось обоим. Перелом носа и множественные ушибы у Вадика Ильюшкина. Повторное сотрясение мозга и до кости рассеченная бровь у Дэна. Можно считать, что после вмешательства тренера бой закончился ничьей. О том, что случилось бы, не будь этого вмешательства, Дэну думать не хотелось. С мрачной сосредоточенностью он смотрел на поскуливающего от боли Вадика, рукавом олимпийки вытирал заливающую глаз кровь и не думал ни о чем. В том месте, где положено биться сердцу, Дэн чувствовал лишь звенящую пустоту.

— Ты хоть понимаешь, чем тебе это грозит? — Рядом присел тренер, протянул носовой платок. — Что на тебя, черт возьми, нашло, Киреев?!

— Он знает что! — Дэн мотнул головой в сторону Ильюшкина. Голова тут же предательски закружилась.

Тренеру не требовалось ничего объяснять, он прожил достаточно длинную жизнь, большая часть которой была отдана спорту. Он прекрасно знал

цену победам и поражениям, знал, как иногда сходят с дистанции фавориты и кто за этим стоит.

— Дурак, — снова сказал тренер и сжал кулаки. — А если тебя посадят? Ты думал об этом?

Он не думал. То есть он думал о сотне вещей, но упустил из виду самую важную, самую очевидную.

— Так я и знал. — Тренер кивнул. — Ты должен был кому-нибудь рассказать. Ты должен был прийти ко мне...

Да, он должен был кому-нибудь рассказать, но тогда это оказалось бы не по-мужски, а он хотел разобраться со всем сам.

На задний двор спорткомплекса въехала вызванная тренером «Скорая». Дэн попытался встать на ноги, но голова снова закружилась, пришлось опереться на руку подоспевшего фельдшера.

— Что тут у вас? — Врач, немолодой, усталого вида дядька, рассматривал разбитую морду Ильюшкина.

— Ничего... — Из-за сломанного носа голос Ильюшкина сделался гнусавым. — Упал.

— Упал, значит. — Врач покачал седеющей головой, перевел взгляд на тренера. — Вы «Скорую» вызывали?

— Я.

— Выходит, у них тут ничего особенного, только физию расквашены? Упали, выходит? Один глазом упал, другой носом...

Дэн не дослушал, его вырвало прямо на ботинки фельдшера. Тот чертыхнулся, а врач продолжил:

— И сотрясение мозга у этого, — он кивнул на шатающегося от слабости и головокружения Дэна, — тоже само собой приключилось?

Прежде чем ответить, тренер испытывающе

посмотрел на Ильюшкина. Что там такое было в его взгляде, Дэн не знал, только бывший друг вдруг заговорил быстро и сбивчиво, сплевывая на землю кровь:

— Все нормально. Мы тренировались...

— Тренировались они. — Врач удивленно приподнял брови, снова посмотрел на тренера. — Да у вас тут, как я посмотрю, не спорткомплекс, а гладиаторская арена! И часто ваши воспитанники так тренируются?

Голова кружилась, и картинка перед глазами была нечеткой, но, превозмогая тошноту, Дэн решил вмешаться.

— Мы сами, тренер ничего не знал, он нас разнимал.

— Сами, — пробубнил Ильюшкин и бросил на него полный ненависти взгляд. — Мы поссорились, и вот...

— Они поссорились! — Врач развернул Дэна лицом к себе, посветил невесть откуда взявшимся фонариком сначала в один глаз, потом в другой. — Поссорились до сотрясения мозга и перелома носа? Это что же у вас за ссоры такие? Вот молодежь пошла, чуть что не так, сразу морду друг другу бить! Ну да ладно, не мое это дело, кому надо, те разберутся. А вы, — он посмотрел на тренера осуждающе, — уж примите меры! Сдается мне, ваши воспитанники опасны. Таких на улицу без намордников выпускать нельзя.

— Приму, — с мрачной решительностью пообещал тренер, и Дэн с неотвратимой ясностью понял, что с этого самого момента дорога в клуб ему заказана.

— Ну, гладиаторы, чего расселись?! Давайте гру-

зитель в «Скорую»! — велел врач и еще раз неодобрительно покачал головой.

Можно сказать, Дэну повезло. Если бы родители Ильюшкина заявили в полицию, последствия могли оказаться очень серьезными, но они не заявили. Дэн был почти уверен, что это Вадик их отговорил, но отнюдь не из-за раскаяния. Причина была проще и банальнее. Если бы делу дали ход, всплыла бы и осенняя история. Ни Рябой, ни его дружки молчать не стали бы, а у отца Дэна имелось достаточно сил и влияния, чтобы заставить следствие докопаться наконец до правды и найти зачинщика, если не сказать заказчика.

Все закончилось тем, что спустя несколько недель Ильюшкин-старший явился в квартиру Дэновых родителей с требованием денег за моральные и физические страдания. Отец денег дал без лишних разговоров, но, как только за незванным гостем захлопнулась дверь, посмотрел на Дэна:

— Ты по-прежнему не хочешь мне ничего рассказать?

— Нет, прости.

Наверное, нужно было рассказать, поделиться своей болью с самыми близкими и родными людьми, но он не смог. Побоялся лишней раз расстраивать маму. Побоялся, что интеллигентный и до кончиков ногтей правильный отец не поймет и не примет того, что Дэн сделал. Или хуже того, разочаруется в нем окончательно.

— В таком случае нам с мамой есть что тебе сказать, сынок. — Отец поправил очки, тяжело вздохнул. — Мы думаем, что твоя агрессия может быть опасна. В первую очередь для тебя самого. Наверное, нам стоит обратиться к психологу.

— Мне не нужен психолог.

Он уже со всем разобрался, все для себя решил. Зачем ворошить то, что уже утратило актуальность?

— Не нужен? — Отец кивнул, приобнял за плечи встревоженную маму. Голос его звучал тихо, но решительно. — Мы предвидели такой ответ, и поэтому у нас есть запасной вариант. Дэн, я имел беседу с твоим тренером. Он тоже обеспокоен происходящим. Настолько, что предложил нам один вариант. — Отец сделал паузу, ободряюще посмотрел на маму, а потом сказал: — Этим летом ты не поедешь на море, сынок.

Мама вздохнула, хотела возразить, но отец предупредительно поднял руку и повторил:

— Этим летом ты не поедешь на море, ты поедешь в спортивно-патриотический лагерь.

— В какой лагерь? — переспросил Дэн. Словосочетание «спортивно-патриотический» ему сразу не понравилось. От него веяло муштрой и скукой.

— Понимаю, звучит не слишком воодушевляюще. — На лице отца появилась и тут же исчезла робкая улыбка. — Но на самом деле все не так плохо. Я наводил справки, лагерь работает три года, и у его создателей отличная репутация. А какие там места! Там изумительные места!

— Где — там? — Дэн уже смирился с решением родителей. Он бы смирился с любым их решением, даже с психологической консультацией, потому что чувствовал себя виноватым, но ему хотелось знать наверняка, в какой дыре придется провести лето.

— В Макеевке, — сказал отец таким тоном, как будто это все объясняло.

— Денис, — мама высвободилась из объятий отца, присела рядом с Дэном, взяла его за руку, — это

в двухстах километрах от нас. Чудесная деревушка, в чудесном месте.

— Деревушка?..

— Разумеется, тебе не придется жить в деревне, — снова заговорил отец. — Под лагерь переоборудована старинная графская усадьба. Это в нескольких километрах от Макеевки. В усадьбе есть все необходимое для нормальной жизни и отдыха: четырехместные комнаты, спортивный зал, библиотека, кинотеатр. Я знаю, о чем говорю, я видел все это своими глазами.

— Папа ездил в Макеевку на прошлой неделе, как только твой тренер предложил такой вариант, — поддержала отца мама. — Лагерь очень хороший.

— И чем он отличается от обычного летнего лагеря? — спросил Дэн.

— Дисциплиной, — сказал отец жестко. — Меня заверили, что воспитанникам уделяют максимум внимания, ваше время будет расписано по минутам, и вы не сможете...

— Заниматься всякой ерундой, — закончил за него Дэн.

— Да. Ты уже достаточно взрослый, скоро тебе исполнится семнадцать. Денис, мы с мамой очень надеемся, что ты нас поймешь. Недавние события заставляют нас принимать непопулярные меры, но мы делаем это исключительно ради твоего блага.

— Я понимаю. — Дэн обнял маму, поцеловал ее в щеку. — Когда нужно ехать в этот замечательный лагерь?

Родители переглянулись, в их взглядах читалось облегчение.

— В первых числах июня, — сказал отец. — Нам позвонят.

Вот так он и оказался у черта на рогах в спортивно-патриотическом лагере с совершенно неспортивным и непатриотичным названием «Волки и вепри». Здесь, в окружении незнакомых пацанов, должно было проходить самое скучное в его жизни лето.

Если бы только родители Дэна знали, чем оно закончится, то не раздумывая отправили бы сына на море к тетке...

Гальяно

— Приехали! — сообщил водитель автобуса и ударил по тормозам.

Озверевший от долгого безделья Вася Гальянов, уже год как сокративший плебейское Гальянов на аристократическое и страстное Гальяно, вслед за сопровождающим их группу парнем выскочил наружу, несколько раз присел, разминая затекшие ноги, и только потом осмотрелся.

Автобус остановился в центре заасфальтированной площадки перед приземистым, по всему виду, недавно отремонтированным двухэтажным особняком. Дом опирался на четыре здоровенные колонны. К центральному входу вела выложенная фигурной плиткой дорожка, по бокам от нее буйным цветом колосились клумбы, пахло сырой землей и свежескошенной травой. Источник запахов Гальяно идентифицировал сразу: слева от входа в особняк, прямо посреди заросшего отцветающими одуванчиками газона, стояла газнокосилка, справа на точно таком же одуванчиковом газоне работала закрепленная на воткнутом в землю колышке поливалка. В струях воды переливалась радуга. По бокам от центрального здания

располагались два одинаковых одноэтажных флигеля.

Рассматривать поместье, в котором им всем предстояло провести целое лето, было интересно, но внимание Гальяно привлекло нечто куда более любопытное. К автобусу летящей походкой приближалась девушка! Она была хороша особенной, по-голливудски яркой красотой. Изыщные формы, выющиеся белокурые волосы, легкомысленный сарафан, белый в красный горошек, и умопомрачительной длины загорелые ноги незнакомки заставили падкое до красоты сердце Гальяно биться в два раза быстрее.

— Мэрилин Монро, — прошептал он, улыбаясь совершенно идиотской улыбкой.

Пожалуй, нужно сказать мамке спасибо за ту решительность и напористость, с которой она выбивала для единственной кровиночки путевку в этот суперэлитный и супердорогой лагерь. В НИИ, где она работала, пришла лишь одна такая чудесная путевка, и поехать отдыхать должен был не сынок рядовой лаборантки, а отпрыск куда более важной персоны, но надо знать мамку! Ради Гальяно она была готова совершить невозможное, а тут такая мелочь — всего лишь какая-то путевка! А он еще сопротивлялся, не хотел ехать. Дурак! Вот не поехал бы и не увидел Мэрилин Монро!

— Ну, наконец-то! — Мэрилин улыбнулась белозубой улыбкой сразу всем прибывшим, посмотрела на Гальяно так, что его бедное сердце едва не остановилось. Ах, как она на него посмотрела! Наверное, сразу поняла, что он особенный, что в настоящей красоте разбирается получше взрослых мужиков.

— Здравсьте! — Он хотел отвесить прекрасной

незнакомке галантный поклон, может, даже приложиться в поцелуе к изящной ручке, но растерялся так, что вместо этого выдал лишь пошлое «здрасьте».

— Привет! — Мэрилин снова улыбнулась, но теперь уже персонально Гальяно, а потом проскользнула мимо, обдав ароматом сладко-цветочных духов, и — о, ужас! — расцеловалась с сопровождающим их группу парнем.

— Как добрались? — Она смотрела на сопровождающего незабудково-синими глазами, а душу Гальяно до самых краев наполняла жгучая ревность.

— Привет, Леночка! — Парень обнял Мэрилин, которая оказалась и не Мэрилин вовсе, а обыкновенной Леночкой, за загорелые плечи. — Да нормально доехали! Что тут ехать-то! Разве что проголодались немного с дороги. Эй, архаровцы, мы проголодались? — Он обернулся к вывалившимся из автобуса пацанам.

— Ага, кушать хочется! — сообщил стоящий ближе всех к Гальяно толстяк.

Гальяно окинул толстяка презрительным взглядом. Переваливающееся через ремень джинсов пузо, круглое лицо, румяные, точно свеклой нарисованные щеки, поросячьи глазки, второй подбородок и кучерявая башка. Да, такому только о хавчике и думать! Ну да и ладно, одним конкурентом в борьбе за сердце ветреной Мэрилин меньше. Гальяно посмотрел на пацанов, которым на долгие три месяца предстояло стать его боевыми товарищами, оценивающе сощурился.

По всему выходило, что конкурентов у него не так уж и много, но несколько человек запросто могли доставить ему определенные хлопоты. Во-

первых, сопровождающий, он же командир их отряда, он же Суворов Максим Дмитриевич. Гальяно не хотелось вспоминать имя конкурента, но оно вот как-то само собой всплыло в памяти. Суворов, пожалуй, мог стать самой большой проблемой Гальяно. Высокий, атлетически сложенный, смазливый и оттого невероятно наглый. Конечно, наглый! А иначе посмел бы он вот с такой фамильярностью обнимать Мэрилин!

Конкурентом номер два Гальяно назначил высокого блондина, тоже смазливого, тоже атлетически сложенного, только более тонкокостного, более изящного. Конкурента номер два звали Дэн Киреев, в автобусе он сидел на соседнем сиденье и всю дорогу до лагеря равнодушно смотрел в окно, а на попытки Гальяно завести разговор реагировал лишь односложными фразами. Самодовольный выскочка! Чертовски опасный самодовольный выскочка. Женщины любят таких вот пустоголовых красавчиков с волевым подбородком и надменным взглядом серых глаз. Но Мэрилин — не обычная женщина, она наверняка так же умна, как и красива. Она примет правильное решение, когда придет время делать выбор.

Взгляд Гальяно устремился еще на одного, слава богу, последнего конкурента. Этот тоже был высок и хорош собой. Возможно, чуть менее высок и чуть менее хорош, чем блондинистый выскочка, но зато у него имелся один существенный козырь — обаяние! Конкурент номер три, Гальяно не запомнил его фамилию, но точно помнил, что зовут его старомодным именем Матвей, оказался чертовски обаятельным парнем, и улыбка у него была шикарная, и прищур, и даже — вот незадача! — ямочки на щеках. Пожалуй, этот третий — са-

мый опасный, потому что использует тот же арсенал оболъщения, что и он сам, а это плохо, черт побери!

Изучая потенциальных соперников, Гальяно так увлекся, что не сразу сообразил, что жизнь не стоит на месте. Пацаны похватали брошенные прямо на землю сумки, нестройной командой побрели вслед за Суворовым и Мэрилин. Шустрее всех оказался толстяк с двойным подбородком и свекольными щеками. Он резво трусил рядом с Мэрилин и даже смел задавать ей какие-то вопросы. Еще один соперник?..

Гальяно возмущенно мотнул головой, закинул на плечо дорожную сумку и, ловко лавируя в толпе, уже через пару секунд поравнялся с красавицей.

— ...А питание пятиразовое? — бубнил толстяк, откусывая от шоколадного батончика.

— Конечно, Степочка, пятиразовое! — Мэрилин называла толстяка Степочкой и смотрела ласково, как на родного. — И на случай, если ты проголодаешься, всегда можно заглянуть на кухню. Я тебе потом покажу, где у нас что.

— Да ты полгода можешь жить на подкожном жире! — Гальяно ввинтился между Мэрилин и толстяком. — Степочка, зачем тебе пятиразовое питание?

— А не твое дело, прыщавый.

Толстяк посмотрел на него сверху вниз, совершенно беззлобно, как на надоедливое насекомое, сунул в пасть остатки батончика, а Гальяно с ужасом понял, что заливается краской. Эта неповоротливая стокилограммовая туша умудрилась ударить его по самому больному. Да, Гальяно был чертовски хорош, чертовски умен и чертовски обаятелен, но юношеские прыщи с некоторых пор путали ему все карты. Что он только с ними не делал!

Как только не боролся! Но всякий раз проигрывал... А теперь вот прямо перед Мэрилин его опозорил самый ничтожный из людей, какой-то Степочка...

— Мальчики, не ссорьтесь! — Мэрилин улыбнулась, легонько коснулась плеча Гальяно. — Разве можно ссориться в такой отличный день?!

Вблизи она была еще прекраснее, а сходство с Мэрилин Монро еще невероятнее. Гальяно перестал дышать, всего на мгновение накрыл вмиг вспотевшей ладонью ее ускользающие пальчики, сказал срывающимся на фальцет голосом:

— Миледи, вы прекрасны!

— Миледи? — Мэрилин иронично вскинула брови, посмотрела на него с интересом. — И кто это у нас такой романтичный?

— Позвольте представиться — Гальяно! — Он прижал ладонь к сердцу, поклонился.

— Гальяно? — Мэрилин продолжала улыбаться. — Это тот, который Джон?

— Нет, это тот, который Василий, — бесцеремонно вмешался в их диалог Суворов, конкурент номер один. — Эй, архаровец, ты ж по паспорту, чай, Василий? — Он посмотрел на Гальяно поверх белокурой головки Мэрилин. — Или у тебя еще нет паспорта? Что-то я запамятовал.

— У меня есть паспорт! Мало того, через месяц мне исполнится семнадцать, — сказал Гальяно со сдержанным достоинством. Конкурент номер один немедленно был переименован во врага номер один.

— Да ты что? — удивился враг номер один и похозяйски обнял Мэрилин за талию. — А с виду больше тринадцати и не дашь.

— Так у вас, видно, не только память плохая, но

и зрение. — Гальяно в раздражении мотнул головой. — Оно и не удивительно! В ваши-то преклонные годы!

Врагу номер один было под тридцать. Старик, самый настоящий старик. Прекрасной Мэрилин нужен мужчина покрепче и помоложе. Такой, как он — Гальяно!

Странное дело, но враг номер один даже не обиделся, вместо этого он расхохотался громким издевательским смехом.

— Слышала, Ленок, меня уже в старики записали! Вот какая нынче пошла молодая поросль — дерзкая и самоуверенная. Это ничего. — Он вдруг перестал смеяться, посмотрел на Гальяно в упор. — Тебе, Василий, еще не раз придется продемонстрировать свою крутость и доблесть. Это я тебе гарантирую.

Гальяно, не привыкший к тому, что последнее слово остается за кем-то другим, уже собрался сказать что-нибудь особенно дерзкое и язвительное, но в это самое время двери особняка приветственно распахнулись, а на крыльцо выкатилась невысокая, невероятно тучная женщина в белом халате.

— Приехали, оглоеды! — сказала она зычным, никак не вяжущимся с ее округлыми формами басом. — А ты, Ленка, говорила, что рано обед готовить! Чем бы я сейчас эту ораву кормила, если бы тебя послушала?!

— Софья Ивановна! — Загорелых щек Мэрилин коснулся легкий румянец. — Потише, прошу вас! И не Ленка, а Елена Викторовна, — добавила она почти шепотом.

— Ить от горшка два вершка, а уже Викторона! — буркнула тетка, к которой Гальяно сразу же испытал приступ антипатии, но голос все же по-

низила. — Обед мы сготовили. Горячее все. — Она командирским взглядом обвела замерших у подножья лестницы пацанов, а потом добавила: — Это ж половина только приехала.

— Второй отряд будет ближе к вечеру, автобус уже отправили, — сообщил Суворов.

— И тоже небось одни мальчишки! — Тетка покачала головой. — Снова как в прошлом году!

— Спортивно-патриотический лагерь! — сказал Суворов со значением. — Тут программа и нагрузки. Какие девушки?

— Да что ж вы нас на пороге держите?! — возмутилась Мэрилин и в возмущении даже притопнула ножкой. — Дети устали с дороги!

Дети! Гальяно обиженно поморщился. Какие ж они дети, когда им скоро по семнадцать лет!

— А и то правда — дети голодные! — Тетка попятилась к двери, не пойми кому замахала рукой, а потом велела: — Так пускай хоть сумки свои побросают и приходят в столовую. А я пока распоряджусь, чтобы Лидка на столы накрыла. Начальнику-то сообщить? — спросила она почти шепотом.

— Сама сообщу! — Мэрилин раздраженно дернула плечом, протиснулась мимо поварихи в дверь.

Гальяно шагнул следом. Сердце вдруг снова забилось в два раза чаще, на лбу выступил холодный пот. Чтобы переступить порог этого дома, ему пришлось сделать над собой усилие. Даже странно...

Матвей

Им досталась комната в левом флигеле, не большая, не маленькая, вполне достаточная, чтобы в ней свободно разместились четыре кровати с при-

кроватьными тумбочками, шкаф, письменный стол и два стула. Матвей швырнул рюкзак на одну из кошек, обвел изучающим взглядом своих соседней.

На койку слева от распахнутого окна присел высокий светловолосый парень. За всю дорогу от города до лагеря он едва ли произнес несколько слов, зато у второго соседа, долговязого, прыщавого и патлатого, рот не закрывался ни на минуту.

— А ничего так! — Патлатый по пояс высунулся в окно, обозрел окрестности. — Вид вполне себе! Природа! — добавил он и воздел глаза к небу.

Насчет вида из окна Матвей был с ним полностью согласен. За флигелем, насколько хватало взгляда, расстилался парк, а ветки старой липы едва не касались подоконника. И в самом деле, красота. Вполне возможно, что родители зря волновались, и в этом богом забытом медвежьем углу Матвею будет очень даже неплохо. Надо написать им письмо, успокоить.

Отец Матвея, инженер-строитель, получил назначение в Ливию всего пару месяцев назад. Назначение это стало для семьи полной неожиданностью. Если младшую сестру еще можно было взять с собой, то срывать Матвея, которому предстоял последний год обучения в гимназии, казалось нецелесообразным. На семейном совете решили, что в Ливию вместе с отцом поедут мама и сестра, а Матвей год до поступления в институт поживет у тети. Тетя была готова приютить его сразу же, но на том же семейном совете постановили, что лето Матвей проведет вот в этом элитном лагере. Конечно, предварительно родители поинтересовались мнением сына. Матвей не возражал. Больше того, он был рад уехать из душного города в деревенскую глушь. В его жизни начался

период, который отец с усмешкой называл лирическим. Пережитая в начале года первая и, как это часто бывает, несчастная любовь до сих пор нет-нет да и давала о себе знать неприятным сосущим чувством под ложечкой. Даже странно: любовь, кажется, уже прошла, а вот это мерзкое чувство осталось.

— Как-то скромненько для элитного заведения. — Краснощекий толстяк в непомерно широких джинсах со вздохом опустился на единственную свободную кровать. Пружины тут же угрожающе за скрипели под его весом.

— Так это ж спортивный лагерь, а не институт благородных девиц, — хмыкнул патлатый и тут же с мечтательной улыбкой добавил: — Хотя от благородных девиц я бы не отказался.

— Так вроде есть одна девица. — Толстяк достал из рюкзака завернутый в фольгу сверток, развернул, положил на стол, сказал: — Угощайтесь!

По комнате тут же поплыл аромат жареной курицы. У Матвея заурчало в животе.

— Обед же через пять минут, — буркнул патлатый, но воспользоваться щедрым предложением не преминул. — Тебя как, кстати, зовут?

— Степан Тучников, — пробубнил толстяк с набитым ртом, — но друзья зовут меня Тучей.

— Туча, значит. — Патлатый окинул его критическим взглядом, а потом кивнул. — Тебе подходит. А меня можете называть Гальяно. Это тоже для друзей. — Он перевел вопросительный взгляд на молчавшего все это время блондина.

— Дэн Киреев, — отрекомендовался тот.

— А для друзей? — вскинул брови Гальяно.

— У меня нет друзей. — Блондин встал и, не говоря больше ни слова, вышел из комнаты.

— Сложный случай! — прокомментировал Гальяно и всем корпусом развернулся к Матвею.

— Матвей Плахов. Для друзей просто Матвей.

— Давай к столу, просто Матвей! Туча угощает! — Гальяно махнул рукой, словно это не Туча угощал честную компанию, а он сам.

Матвей уже шагнул к столу, когда дверь приоткрылась и в образовавшуюся щель просунулась рыжая лохматая голова.

— Чего расселись? — Пацаненку было лет девять, но вел он себя не по возрасту нагло, зыркал хитрыми глазами по углам комнаты, морщил конопатый нос.

— А ты что за явление природы? — спросил Гальяно, вгрызаясь в куриное крылышко.

— Я не явление природы, я Василий! — обиделся пацаненок. — Я здесь все знаю, — добавил со значением.

— Василий? Тезка, значит. — Гальяно вытер жирные руки о край расстеленной на столе газеты, спросил заговорщицки шепотом: — А скажи-ка нам, Василий, где в этой глуши можно купить сигареты?

— В деревне, — пацаненок хитро сощурился, — только вас туда туда одних все равно не пустят.

— А кого пустят?

— Меня! Я где хочу, там и хожу. Десять процентов сверху — и сигареты у тебя в кармане!

— Ты смотри, какая молодежь предприимчивая пошла! — восхитился Гальяно.

Матвей согласно кивнул. Сам он на заре «лирического периода» увлекся сигаретами, не так чтобы очень серьезно, но с охотки мог выкурить одну или две, поэтому поднятый Гальяно вопрос показался ему актуальным.

— Ну так то ж дело хозяйское! — парнишка раз-

вел руками. — Не хотите, не надо! Я тогда вам и ключ от калитки в аренду не сдам, и дорогу на речку не покажу.

— Ну, допустим, дорогу к реке мы и сами как-нибудь найдем, — усмехнулся Матвей, — а вот про калитку и сигареты интересно.

— На воротах у нас охрана, никого без разрешения начальника за территорию не выпускают, — принялся объяснять Василий. — Наверное, с охраной тоже можно договориться, но со мной сотрудничать всяко выгоднее.

— Это почему? — спросил Туча, аккуратно заворачивая в фольгу недоеденную курицу.

— Потому что охранникам нужно платить каждый раз, а у меня абонемент. В заборе есть одна калиточка... — Василий перешел на шепот. — Она в парке, в таком месте, где никто не сторожит. Так вот за ключ от этой калиточки я хочу тысячу рублей.

— С каждого?! — возмутился Гальяно.

— Со всех! Я же не барыга какой! Вы подумайте, у вас еще много времени, чтобы подумать. Я тут на территории живу, как надумаетесь, найдете.

Ответить они ничего не успели, из коридора послышался женский голос:

— Васька, паразит! Ты куда подевался? Велено ж было на обед людей звать!

— Мамка моя! — всполошился Василий и тут же добавил: — Чего расселись?! Есть идите! Не слышали, что ли?

— Лихо! — только и смог сказать Матвей, когда за парнишкой захлопнулась дверь.

— Что-то мне не нравятся эти заборы и охранники, — проворчал Гальяно. — Еще б автоматчиков на вышки — и будет настоящая зона.

— А что ты думал? — вдруг неожиданно серьезно спросил Гуча. — Зона и есть. Только элитная, — добавил с мрачной улыбкой.

ДЭН

В лагере Дэну не понравилось с первой минуты, стоило только выйти из автобуса, стоило только увидеть высоченный трехметровый забор и отремонтированный особняк. Было во всем этом что-то неправильное и тревожное, словно они оказались не в лагере, а в замаскированной под элитный лагерь тюрьме. Если бы Дэн не дал слово родителям... Но мужчина всегда держит слово, на то он и мужчина.

В соседи ему достались трое. По крайней мере одного из них, тощего, прыщавого пацана с не в меру длинными волосами и таким же не в меру длинным языком, Денис уже не любил. Остальные пока ничем особенным себя не проявили, и в своем отношении к ним Дэн еще не определился. По большому счету, единственное, что его волновало, это возможность оставаться самому по себе и не принимать участия ни в каких командных играх. Наверное, в спортивно-патриотическом лагере с совершенно неспортивным и непатриотическим названием «Волки и вепри» это будет непросто.

До обеда еще оставалось пара минут, и Дэн решил осмотреть территорию. Флигель представлял собой небольшое одноэтажное здание, состоящее из шести одинаковых комнат и длинного коридора. В начале коридора, ближе к выходу, имелась еще одна комната. Сквозь щель в неплотно прикрытой двери Дэн увидел Суворова. Значит,

без присмотра их ночью не оставят. В дальнем конце коридора был туалет и душевая. Дэн заглянул туда лишь мельком и уже через минуту оказался на крыльце.

С крыльца хорошо просматривался и главный корпус, и еще один флигель, отведенный, по всей вероятности, для второго, еще не прибывшего отряда. Пока Дэн осматривался, мимо него прошмыгнул невысокий рыжий паренек. По возрасту он не годился в воспитанники лагеря и, скорее всего, был сыном кого-то из персонала.

Дэн спрыгнул с крыльца, сорвал и сунул в рот травинку, сделал несколько шагов по ведущей к главному корпусу дорожке. Он успел дойти до центрального корпуса и уже собирался обойти особняк с обратной стороны, когда услышал рев мотора. На асфальтированную площадку перед домом въехал «Мерседес» с тонированными стеклами. Водительская дверца распахнулась, и из автомобиля вышел средних лет мужчина с уже наметившейся лысиной. Он обвел особняк и пристройки изучающим взглядом, а потом помог выбраться из машины изящной блондинке.

Женщина была красивой и холеной, держала спину прямо, на окружающий мир смотрела со смесью удивления и легкой брезгливости. Несколько секунд они о чем-то переговаривались, а потом мужчина коротко кивнул и распахнул заднюю дверцу. Наверное, тот, кто сидел внутри, не слишком стремился наружу, потому что прошло достаточно много времени, прежде чем потерявший терпение мужчина заглянул в салон и сказал что-то резкое. Блондинка слегка поморщилась, и во взгляде ее прибавилось брезгливости. Дэн, которого помимо воли заинтересовала происходя-

щая у машины пантомима, прислонился плечом к гипсовой колонне. Любопытно, кто же там такой строптивый?

Долго ждать не пришлось. Мужчина отступил на шаг, и из машины показалась сначала одна обутая в грязную кроссовку нога, затем другая. Ноги были худые, с расцарапанными коленками. Вслед за ногами появился край ярко-розового платья, а потом и сама обладательница расцарапанных коленок.

Она оказалась странной. «Странная» — самый подходящий эпитет для девчонки, одетой в тонкий сарафан и грубые кроссовки, сжимающей в одной руке какую-то книгу, а в другой — небольшой рюкзак. У нее было лицо, которое невозможно запомнить с первого раза. Возможно, из-за длинной косяй челки, занавешивающей один глаз и спадающей до самого подбородка. Второй глаз, яркосиний, густо обведенный черным, смотрел на мир с настоженным равнодушием. Дэн, который оказался частью мира, тоже достался по-рыбыи стылый взгляд. Остроту этого взгляда не смогло притупить даже разделяющее их расстояние. Девчонка смотрела на Дениса недолго, доли секунды хватило, чтобы по спине поползли мурашки. Дэн сразу, в то же самое мгновение, понял, что у нее есть свой собственный персональный демон, и демон этот не расслабляется ни на секунду...

— Детка, подожди нас с папой. Мы скоро.

Блондинка, которая оказалась матерью этого нескладного, злобного существа, попыталась погладить девчонку по голове. Но та дернула плечом, отступила на шаг, прямо по земле волоча за собой рюкзак. Блондинка не расстроилась и не удивилась, наверное, привыкла. Она лишь пожала плеча-

ми и многозначительно посмотрела на своего спутника. Тот хотел было что-то сказать, а потом досадливо махнул рукой, направился прямо к Дэну:

— Эй, парень, не подскажешь, где тут у вас начальник лагеря?

Дэн не знал, поэтому в ответ лишь отрицательно мотнул головой.

— Детка, мы с папой надеемся, ты не наделаешь глупостей? — Женщина разговаривала со своей дочкой, как с умственно отсталой. Она смотрела на девчонку, а та уставилась на кружащих высоко в небе ворон. В этот момент сама девчонка была похожа на ворону, нелепую ворону, обряженную в дурацкий розовый сарафан.

— Думаю, стоит начать отсюда. — Мужчина распахнул перед блондинкой дверь. Женщина благодарно улыбнулась в ответ. — Административная часть, скорее всего, где-то на первом этаже, потому что... — договорить он не успел.

— Рита! Ритка!!! — послышался громкий женский голос. — А мы вас только к завтрашнему утру ждали!

От флигеля к ним торопливо шла крупная рыжеволосая тетка. Ее круглое лицо расплылось в радостной и одновременно настороженной улыбке.

— Здравствуй, Лида! — Блондинка тоже улыбнулась, уголки аккуратно покрашенного рта дрогнули и словно нехотя поползли вверх. — Да вот никак у нас не получается завтра! Билеты на самолет уже на руках, вылет сегодня вечером. — Она говорила, а ее покрашенные бледно-розовым лаком ногти впивались в руку мужчины с такой силой, что тот поморщился.

— Добрый день, — процедил он с плохо скрываемой досадой. — Вы очень кстати.

— Здравствуйте, Игорь Дмитриевич! — Тетка рассеянно провела рукой по повязанным косынкой волосам, улыбнулась на сей раз совсем уж робко. Она так и стояла, не дойдя до них несколько метров, смотрела на мужчину во все глаза и улыбалась.

— Лида, а мы вот... привезли нашу девочку, — нарушила неловкое молчание блондинка и кивнула на безучастно стоящую в центре одуванчикового газона девчонку. — Детка, скажи тете Лиде «здравствуйте», — добавила она строго.

Деточка, которой по виду было не меньше пятнадцати, но к которой родная мать обращалась как к пятилетней, ничего не ответила, развернулась к родителям и тете Лиде спиной. Бретелька розового сарафана сползла, обнажая плечо и острую, как крыло ласточки, лопатку.

— Видишь, Лидочка, какой у нас сложный случай? — Блондинка досадливо покачала головой. — Справитесь?

— Так а чего же не справимся? — Тетка бросила быстрый взгляд на Дэна, сказала строго: — А ты что это тут стоишь? В столовку иди! Обед уже стынет.

Дэн понятия не имел, где тут у них столовая, но согласно кивнул. Быть свидетелем чужих и, по всей вероятности, не слишком приятных разговоров ему не хотелось.

— Столовка по коридору и направо! — проинструктировала тетка и, взмахнув не слишком чистым кухонным полотенцем, указала направление.

Прежде чем захлопнуть за собой дверь, Дэн бросил еще один взгляд в сторону девчонки. Она сидела по-турецки прямо посреди газона, перед ней лежала раскрытая книга. Сложный случай, что правда, то правда...

Туча

Родители развелись в марте. Для Степки известие о разводе не стало неожиданностью. Вот уже несколько лет он ждал и боялся, что случится что-то подобное. Дождался...

Мама ушла в январе, сразу после Нового года. Степка в мельчайших подробностях помнил день, который стал началом конца. Он уже лежал в кровати, и под подушкой у него имелась упаковка шоколадного печенья. Он не был уверен, что съест печенье этой ночью, но тот факт, что оно есть, грел душу. Мама вошла в комнату в тот самый момент, когда Степка размышлял над тем, что скажут родители, если узнают, что за последние два месяца его вес увеличился еще на пять килограммов.

Мама, наверное, расстроится. Она никогда не говорила об этом вслух, но Степка знал — она, хрупкая и изящная, очень известная и очень популярная, стесняется появляться на публике в его обществе. Ни в одном интервью, а Степка прочел все, что сумел найти, она ни единым словом не обмолвилась о том, что у нее есть сын. И не потому, что само его существование указывало на ее далеко не девичий возраст, а потому, что стеснялась его неуклюжести и невероятной тучности. Сто один килограмм в неполных шестнадцать...

А отец разозлится. Его злило все, что было связано со Степкой. И тучность, и неуклюжесть, и бесхребетность. Особенно бесхребетность...

— Доброй ночи, сынок. — Мама присела на край его кровати, посмотрела внимательно и, как показалось Степке, виновато.

— Здравствуй, мам! — Ему хотелось, чтобы она поцеловала его в щеку или, на худой конец, погла-